

СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКАЯ ПРОЗА О БОСНИЙСКОЙ ВОЙНЕ (МИЛЕ КОРДИЧ, ВЛАДИМИР КЕЦМАНОВИЧ)

А. В. Наумова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ana.naumova1@ya.ru*

Выявляется идейно-тематическое и эстетическое своеобразие двух романов современных сербских писателей – «Елена 93» Миле Кордича и «Пушка была горячей» Владимира Кецмановича. Оба произведения посвящены событиям боснийской войны 1992–1995 года и интересны литературоведческой науке как материал для осмысления процесса мифологизации недавнего прошлого. Прослеживается и характеризуется преемственность современной сербской литературы по отношению к давней традиции художественного отражения проблематики пограничья культур и цивилизаций, актуальной для Балканского полуострова.

Ключевые слова: сербская литература; современная проза; Босния и Герцеговина; боснийская война; пограничье цивилизаций; сюжетобразующий компонент.

Этноконфессиональная проблематика актуальна для литератур балканских стран в силу объективных исторических причин. «Пороховая бочка Европы» неоднократно подтверждала свой статус наиболее противоречивого региона нашего континента. Вооруженный конфликт, последовавший за распадом Югославии, считается одним из страшнейших событий последних десятилетий. Наиболее напряженной ситуация была на территории Боснии и Герцеговины: боснийский конфликт вошел в историю как самый острый и жестокий.

Анализ реальных итогов и перспектив этих событий – задача истории и политологии. Между тем, интерес к теме межэтнических противоречий балканских стран проявляет и литературоведение, поскольку в основе поверхностных, видимых коллизий лежат сущностные этнокультурные, этнопсихологические характеристики этого региона и его жителей, наиболее полно и глубоко осмысленные именно художественной литературой. По словам сербского журналиста и литературного критика Миливое Марковича, «многие антропологические и социологические исследования под лупой рассматривали сдвиги в типе мышления и ощущения людей, и этнология “лезла под кожу” конфликтующим людям, но боснийско-герцеговинский синдром нигде не изучен так основательно, как в литературе» [1, с. 28].

Османская и австро-венгерская оккупации, конструирование отдельного этноса бошняков как следствие факта религиозной конверсии, столкновение интересов крупных держав на Балканах – все это стало причиной

формирования особого национально-религиозного комплекса, состоящего из элементов разных локальных цивилизаций с противоположными стремлениями и ценностями. В тех или иных аспектах проблематика пограничья издавна интересовала сербских писателей и поэтов. На нее обращали внимание Петар Петрович Негош, Вук Караджич, Светозар Чорович, Петар Кочич, Иво Андрич, Меша Селимович и многие другие авторы. Есть своего рода преемственность и в современной литературе.

В чем специфика *литературного* осмысления явлений окружающей действительности, исторических событий – войн, революций, оккупаций? Художественная литература препарирует психологические модели, по которым происходит «проживание» реальных событий, и главное – участвует в закреплении в национальной памяти мифических, обобщенно-схематических моделей восприятия прошлого. Культурная и историческая память народа формируется на основании отобранных, наиболее значимых событий и тенденций, и литература играет в этом отборе далеко не последнюю роль. Соответственно, интерес для литературоведения представляет механизм создания художественного образа той или иной исторической проблемы или факта, особенно в современном творчестве относительно тех событий, которые произошли еще недавно и в связи с которыми процесс закрепления в национальном сознании еще продолжается. Нобелевский лауреат, сербский писатель Иво Андрич писал: «В этих часто фантастических рассказах о невероятных событиях и выдуманных людях нередко содержится подлинная, не признанная история края, история живых людей и давно ушедших поколений. Это та восточная ложь, о которой турецкая поговорка говорит, что она *«правдивее любой правды»* [2, с. 150]. И далее: «...Босниец так создан, что предпочитает свои рассказы о жизни самой жизни, о которой рассказывает» [2, с. 159]. Эта универсальная закономерность справедлива не только для боснийцев.

Рассмотрим два романа, в центре внимания которых – события гражданской войны в Боснии и Герцеговине или их последствия.

Сербский писатель Миле Кордич (1944–2003) в своем романе «Елена 93» (*Јелена 93, 1994*) представляет события боснийской войны и межэтнические отношения на Балканах с точки зрения сербов. Речь идет о произведении, основанном на реальных событиях. В нем доминирует мотив противоречия между этносами, непрекращающейся борьбы, имеющей свои глубокие исторические корни. Можно сказать, что в этом романе представлена целостная концепция М. Кордича, созвучная большинству распространенных в сербской среде взглядов. В уста своих героев он вкладывает рассуж-

дения о прошлом народов Югославии, национальных «комплексах» и конфронтациях; исторических прецедентах, которые еще задолго до 1990-х гг. открыли намерения хорватов и боснийцев; распространенных стереотипах о южнославянских народах; национальных мифах и преданиях сербского народа, а также других вопросах этнокультурного плана. Автор избегает прямых комментариев, он будто бы отсутствует в тексте, прибегая в освещении указанных проблем к художественному многоголосию.

Мотивы двупринадлежности, особого трагизма пограничности отдельного человека или целого коллектива, «расколотости» сознания объединяют классиков сербской литературы с М. Кордичем. Главная героиня романа – Елена Воинович (она же Ена Фазлич), сербка из Сараево, вышедшая замуж за боснийского мусульманина. Всю свою жизнь она страдала от бремени духовно-культурной разделенности. Два имени не только у Елены: страшные нравственные мучения, связанные с тем, какую сторону занять, переносят ее муж (то Саша Фазлич, то Сафет-бег) и сын (Дамир – Абдулах – Димитрие). Пограничность проявляется не только в портрете отдельного персонажа, но и в обобщенной этнической характеристике. Поразительные признания об особом положении собственного народа высказывает герой-мусульманин Абдулах: «Мы-то *не влахи* [влахами называют сербов бошняки-мусульмане. – прим. А. Н.]. Но наша беда в том, что и сами не знаем, кто мы. С ними нам не быть. Но ведь и не турки мы...» [3, с. 149].

Герои М. Кордича, среди прочего, задумываются над тем, насколько значима роль религии в формировании отношений между сосуществующими представителями разных конфессий. С одной стороны, игнорирование этого фактора позволяет сохранить мир в стране. С другой – рано или поздно ключевые мировоззренческие ориентиры, не согласующиеся с приоритетами «соседей», становятся основанием для серьезного конфликта, где каждая из сторон будет защищать те идеи, которые составляют фундамент его системы ценностей: «До недавнего времени религия нас не интересовала. Вот я думаю: не лучше ли было бы, если бы так оно и осталось? Может, не дошло бы дело до этого кровопролития... Веками здесь воевали за веру...» [3, с. 135]. Однако где-то прямо, где-то косвенно высказываются идеи о том, что сама по себе конфессиональная неоднородность не приводит к конфронтации. Вероятно, имеет место внешний импульс: «Да, тесно им в боснийских горах, и кровь из-за этого проливается. Но есть что-то еще. То, чего не знают, не понимают убивающие друг друга люди. Ненависть в их сердца попала не только из-за веры и территории» [3, с. 135].

Многие современные писатели, вероятно, стремясь наиболее убедительно передать всю тяжесть перенесенных народом страданий, прибегают к натурализму и физиологизму в моделировании ситуаций. И у И. Андрича,

и у М. Кордича есть страшные сцены насаживания на кол, ставшие своего рода эмблемой, мифическим олицетворением всех страданий, которые христиане претерпели от исповедующих ислам оккупантов. Еще один сербский прозаик Владимир Кецманович (р. 1972) в своем романе «Пушка была горячей» («Топ је био врео») также прибегает к многочисленным натуралистическим деталям, описывая телесные страдания людей в военное время и побуждая читателей сопереживать произошедшему. К слову, нетрудно вызвать сочувствие к литературным героям таких произведений у представителей стран бывшей Югославии: почти у каждого серба, хорвата, бошняка есть болезненные воспоминания, связанные с годами войны, и реагируют они на это соответственно. Все авторы будто бы пытаются убедить читателя в том, что такой жестокой, кровопролитной войны, как в 90-е гг. в Боснии, в Европе не было никогда. Это они объясняют в первую очередь этнокультурными особенностями края.

В романе В. Кецмановича применяется типичная для произведений такого рода сюжетобразующая техника: моделирование отношений между представителями разных этносов, совмещение разнородных элементов и наблюдение за результатами такого смешения. Действие романа по преимуществу происходит в одном доме, где живут и бошняки, и сербы, и хорваты. Под снайперским и артиллерийским огнем они проживают тяжелые дни осады города, порой проявляя невиданное человеколюбие и милость к ближнему независимо от его веры, а порой – выясняя отношения между собой под влиянием коллективного исторического опыта межэтнических отношений. В самые критичные моменты герои не могут поступиться своими этнорелигиозными воззрениями, суть которых сводится к ненависти по отношению к соседу. Старая женщина, которая всю жизнь ненавидела сербов, умирая естественной смертью, произносит свои последние слова: «Влахи (т. е. сербы – *А. Н.*) говорят, что мы произошли от них. А они от кого? Судя по всему, прямо от обезьян...» [4, с. 229]. При этом ее дочь, мусульманка Муневера, отдает последние продукты страдающей православной семье. Единение и взаимопонимание рождаются тогда, когда все сталкиваются с одной трагедией, перед лицом которой равны и сербы, и хорваты, и бошняки. Сцены в подвале напоминают эпизод из романа Иво Андрича «Мост на Дрине», когда жители Вышеграда собираются вместе из-за наводнения в городе. Стоит отметить, что В. Кецманович открыто не демонстрирует собственную идеологическую позицию в романе. Среди его героев нет однозначного деления на преступников и невинных. События показываются глазами ребенка, родителей которого убило гранатой на его глазах, при этом в его внутреннюю речь, создающую основу повествования, «встраиваются» наблюдения остальных персонажей. Получается,

повествовательный голос (здесь – мальчика) не совпадает с распределением «точек зрения», что создает эффект слитости, единства происходящего, абсолютно естественного многоголосия. Данное многоголосие и смешение повествовательных инстанций – отражение феномена пограничности, определяющего мировоззрение персонажей и суть событий.

Таким образом, идейное содержание произведений современных сербских прозаиков возникает как естественное продолжение заложенных писателями предыдущих поколений традиций. Этноконфессиональная «пестрота» сербского и боснийского общества неизбежно привлекает внимание, а возникающие на этом основании проблемы заставляют осмысливать, анализировать, изучать данный феномен как в научном, так и в художественном ключе. Этим и объясняется популярность этнокультурной проблематики в творчестве балканских писателей славянского происхождения. Актуализация темы пограничья также происходила за счет того, что в последние десятилетия существования Югославии и вскоре после ее распада обострились сепаратистские устремления, которые требовали своего осмысления в искусстве.

Последователи Андрича пишут о наболевшем, осмысливают увиденное и пережитое на страницах своих книг. Война 1990-х гг. породила трудно-разрешимые противоречия и актуализировала ряд тем, над которыми рефлексировали многие писатели из всех республик бывшей Югославии – каждый со своей позиции. В последние десятилетия написаны сотни литературных произведений, посвященных войне и ее последствиям. Наблюдается выраженная проблематизация пограничности во всех проявлениях, однако ее художественная реализация зачастую привязана к описанию реальных событий последнего времени и отличается своей злободневностью, минимализирующей роль эстетического и этических начал, заменяющей их документальностью и публицистичностью. Писатели говорят о пережитых ими событиях, а читатели на страницах их произведений находят образы, максимально приближенные к фрагментам пережитого ими. Это способствует большей популярности такой прозы у массового читателя, но едва ли становится аргументом для признания ее художественной ценности. Современные литературные трактовки новейших исторических событий вполне предсказуемы с точки зрения замысла и содержания, горизонт ожиданий и эстетический опыт реципиентов более или менее совпадает с тем, что вкладывает автор в свой текст. Читатель подготовлен: во-первых, ему знакома общественно-политическая ситуация, ставшая сюжетной основой, во-вторых, он воспитан на творчестве таких классиков, как

П. П. Негош, И. Андрич и М. Селимович, чьи эстетические «нововведения» заложили основу для формирования новой стилистической и тематической традиций.

Важно отметить, что все участники событий сегодня работают над созданием в литературно-культурном поле собственной мифологизированной картины прошлого. Эта картина постепенно закрепляется в массовом сознании и встраивается в идейные и ценностные системы новообразованных республик бывшей Югославии.

Библиографические ссылки

1. Марковић, М. Шта је крив Андрић / М. Марковић // Вечерње новости, Београд : 1992. 17.03. С. 28.
2. Андрич, И. Избранное / И. Андрич. Москва : Художественная литература, 1976.
3. Кордић, М. Јелена 93. / М. Кордић. – 21. изд. Београд : Књига-комерц, 2003.
4. Кесмановић, V. Top je bio vreo / V. Кесмановић. – Београд : Laguna, 2014.